

П. Мейлахс

ДИСКУРС ПРЕССЫ И ПРЕСС ДИСКУРСА: КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ НАРКОТИКОВ В ПЕТЕРБУРГСКИХ СМИ

В данной работе изучались процессы социального конструирования проблемы наркотиков в петербургской прессе в 1997–2003 гг. Было выяснено, что, начиная с 2001 г. интерес прессы к проблеме наркотиков продолжает падать и находится сейчас примерно на уровне 1998 г. Кроме того, дискурс прессы анализировался на предмет соответствия моральной панике, то есть преувеличенной реакции на какое-либо негативное явление и демонизации тех, кто был признан персонально ответственным за сложившуюся ситуацию. Исследование показало, что, несмотря на то, что в Санкт-Петербурге наблюдалось стремление СМИ представить положение как катастрофическое, квалифицировать ситуацию как моральную панику не представляется возможным, так как отсутствовал один из важнейших ее компонентов — конструирование образа «народного дьявола», или демонизация наркозависимых.

Введение

Большинство работ по социологии наркотизма в современной российской социологии проводится в рамках объективистской парадигмы социальных проблем, согласно которой то или иное негативное (в глазах исследующих его) явление автоматически отождествляется с социальной проблемой. Задача социологов в этом случае сводится к описанию этого явления (как правило, в количественных терминах); применительно к наркотизму основные задачи исследования сводятся к выяснению того, кто и что сегодня употребляет, кто и как к этому относится, почему происходит это употребление и что можно сделать, чтобы его остановить. На одной недавней конференции, посвященной медицинской профилактике наркомании, все медицинские работники как один говорили о необходимости сотрудничества специалистов всех областей, занимающихся проблемой наркотизма. Социологам при этом отводилась роль статистиков, занимающихся, по выражению одного врача, «замерением социальных констант», т. е., по сути, демографов, собирающих рутинную информацию, но не имеющих полномочий на реаль-

ный социологический анализ ситуации. К сожалению, именно этот сценарий, как правило, и реализуется в современном российском обществе, где социологи часто занимаются обслуживанием и подтверждением доминирующих медицинских и юридических теорий, их легитимацией. На языке теории стигматизации, наши социологи занимаются главным образом изучением тех, «кого клеймят», и гораздо реже изучением тех, «кто клеймит».

Конструктивистская теория социальных проблем изучает не этиологию того или иного условия, а этиологию определений этого условия. Применительно к социальной проблеме наркотизма сторонники этого подхода занимаются изучением кластера значений, связанных с потреблением наркотиков в глазах различных социальных и профессиональных групп, как это потребление типифицируется, классифицируется и категоризируется, какие причины употребления наркотиков и причины выхода из «наркотической эпидемии» конструируются различными акторами и, в первую очередь, агентами различных институций, принимающих участие в процессе принятия решений по наркотикам и оказывающих влияние на государственную антинаркотическую политику. Этим конструктивистское исследование принципиально отличается от объективистского, изучающего социальные факторы наркотизации или социальную составляющую медицинских или криминологических теорий наркотизма.

Данная работа ставит своей целью показать, как социальная проблема наркотиков конструируется в прессе и таким образом сдвинуть существующее в сегодняшней российской социологии внимание от исключительно наркозависимых и их «проблем» к тем, кто конструирует и определяет ситуацию вокруг наркотиков, и тем самым проблематизировать «очевидные» и «само собой разумеющиеся» категории доминирующих медицинских и криминологических дискурсов.

Следует отметить, что несмотря на свою немногочисленность, такого рода работы существуют в современной российской социологии. Это работы НИЦ «Регион», и в частности работы Н. Смирновой (2000), У. Блюдиной (2000) и И. Костериной (2002), посвященные конструированию моральных паник вокруг наркотиков в региональной прессе. Однако, несмотря на многочисленные достоинства этих работ, в них есть и ряд недостатков. В первую очередь, несмотря на заявленную конструктивистскую ориентацию, в них присутствует сильный объективистский «крен». Так, например, И. Костерина (2002) пишет, что «современные СМИ обладают неограниченными возможностями, как в освещении, так и конструировании социальных проблем» (Костерина 2002: 200). Отсюда можно сделать вывод, что освещение и конструирование — это совершенно разные вещи, что можно освещать какую-либо проблему и не участвовать при этом в ее конструировании. Из чего имплицитно следует, что освещение — это донесение до аудитории какой-то безличной и единой для всех «правды», а конструирование — это что-то искусственное, создание чего-либо ex nihilo. Такая точка зрения, на мой взгляд, неверно трактует концепцию социального конструирования реальности, сводя ее к созданию и распространению различных мифов и заблуждений с теми или иными корыстными целями. Тогда как любая лингвистичес-

кая деятельность — это социальное (ре)конструирование реальности, так же как социальное конструирование реальности сопровождается созданием лингвистических категорий. Все социальные проблемы социально конструируются, вне зависимости от того, считает ли их социолог-исследователь легитимными или нет.

Во-вторых, в работах этих социологов, представивших замечательный анализ ситуации с наркотиками и ее презентации СМИ, все же недостаточное внимание уделено собственно дискурсивным механизмам конструирования моральной паники вокруг них. Данная работа призвана заполнить существующие пробелы в работах современных российских социологов конструктивистской ориентации, а также ответить на ряд новых вопросов, поставленных в самом исследовании.

Авторы классического труда по теории социальных проблем «Конструируя социальные проблемы», вышедшего в 1977 году, американские социологи Малькольм Спектор и Джон Китсузе определяют социальную проблему следующим образом: «Мы определяем социальную проблему как активность индивидов или групп, выражающих недовольство и выступающих с требованиями (claims) в отношении каких-либо предполагаемых условий» (Spector, Kitsuse 1977: 75). Таким образом, социальная проблема заключается не в наличии какого-либо условия, а активности определенных групп в отношении него. Активность в выдвижении требований состоит в запросах каких-либо услуг, подаче жалоб, открытии судебных процессов, публикациях в прессе, собраниях и пресс-конференциях, демонстрациях и акциях протеста, проведении научных исследований и опубликовании их результатов в научных журналах и др. Поэтому социальная проблема наркотиков выражается не в том, что кто-то употребляет вещества, считающиеся в данном обществе наркотическими (даже если таких людей много), а во всем огромном пространстве социальных взаимодействий и столкновений различных групп, пытающихся определить или переопределить ситуацию вокруг наркотиков в тех или иных целях. Действительно, мы не можем беспристрастно «увидеть» проблему употребления наркотиков в «объективных» и нейтральных категориях, все наше знание о ней выражается в категориях, кем-то и для чего-то уже сконструированных до нас. Иными словами, сам феномен и знание о нем оказываются неразделимыми, и цель конструктивистского исследования заключается в том, чтобы показать, как такое знание конструируется.

Множество исследователей (Best 1995; Schneider 1993; Ibarra, Kitsuse 1993; Miller, Holstein 1993; Thompson 1998) и др. выделяют два пути изучения конструирования социальных проблем. Первый, так называемый жесткий (strict) конструктивизм (Spector, Kitsuse 1977; Ibarra, Kitsuse 1993; Schneider 1984), заключается в том, чтобы изучать высказывания и требования агентов без проверки этих высказываний на истинность. Определяется, какие группы выдвигают требования, в чем они заключаются, кто выигрывает, а кто проигрывает от победы определения ситуации той или иной группы, как они выдвигают эти требования, с какими другими группами заключаются союзы, в чем состоят «ставки категоризации» (Ленуар 2001) и т. д. При этом социолог не берет на себя роль эксперта по оценке истинности этих выска-

зываний. Так, например, изучение проблемы наркотиков и изучение какого-нибудь культа, члены которого утверждают, что Землю скоро атакуют инопланетяне, принципиально друг от друга не отличаются. И в том и другом случае звучат требования в отношении какого-либо условия, есть социальные группы, заинтересованные в выдвижении этих требований, существует борьба между различными группами и т. п.

Сторонники второй разновидности конструктивизма — контекстуального (Best 1993; Best 1995; Gusfield 1984; Goode, Ben-Yehuda 1994), утверждают, что социолог имеет право проверять требования на истинность. Приверженцы этого вида конструктивизма не просто исследуют этиологию определений того или иного условия, но также пытаются установить, насколько эти определения могут быть подкреплены или опровергнуты с помощью эмпирических данных. Концепция моральной паники соответствует второму типу конструктивизма. Она была выдвинута в 1972 г. в Англии социологом Стэнли Коэном (1972), чтобы описать преувеличенную реакцию общества на какое-либо негативное явление. В частности, сам Коэн с помощью этого понятия исследовал всплеск общественного интереса в Британии к молодежным бандам в середине 1960-х. Сама оценка преувеличения имплицитно содержит в себе некий суд реальности, т. е. проверку на истинность требований групп, выступающих с «катастрофическим» определением этого условия.

Наркомания в пространстве внимания средств массовой информации

В различные периоды своего существования общества оказываются подвержены моральным паникам. Это происходит тогда, когда «условие, эпизод, лицо или группа лиц определяется как представляющая угрозу общественным ценностям и интересам; их природа изображается средствами массовой информации в стилизованном и стереотипизированном виде, моральные баррикады занимают редакторами, священниками, политиками, и другими “праведно мыслящими”, социально аккредитованные эксперты ставят диагнозы и предлагают свои решения; возникают методы борьбы с этой проблемой; после чего это условие либо исчезает, либо пропадает из поля общественного внимания, либо ухудшается и становится более заметным» (Cohen 1972: 9). При этом условие либо исчезает, либо институционализируется и занимает устойчивую нишу на арене социальных проблем. Концепция моральной паники развивается в западной социологии уже более тридцати лет, она применялась для анализа самых различных явлений, таких, как наркомания (Goode, Ben-Yehuda 1994; Reinerman, Levine 1995; Reinerman, Levine 1996; Hawdon 2001; Rawe 2002; Orcutt, Turner 1993); сатанизм (Victor 1993; Viktor 1998; Jenkins, Meier-Katkin 1992); охота на ведьм в средние века (Ben-Yehuda 1985); молодежные субкультуры (Cohen 1972; McRobbie, Thornton 1994; McRobbie, Thornton 1995); преступность (Hall et al. 1978; Zatz 1987); сексуальные преступления — (Jenkins 1992; Jenkins 1995); СПИД — (Thompson 1998).

Как видно из определения Коэна, масс-медиа играют одну из ключевых ролей в конструировании моральных паник, поскольку именно за ними закреплено тиражирование «катастрофических» определений ситуации и сте-

реотипизированных образов «других». Поэтому основной целью данной работы является анализ дискурсивных стратегий, реализуемых СМИ, направленных на конструирование моральной паники вокруг проблемы наркотиков.

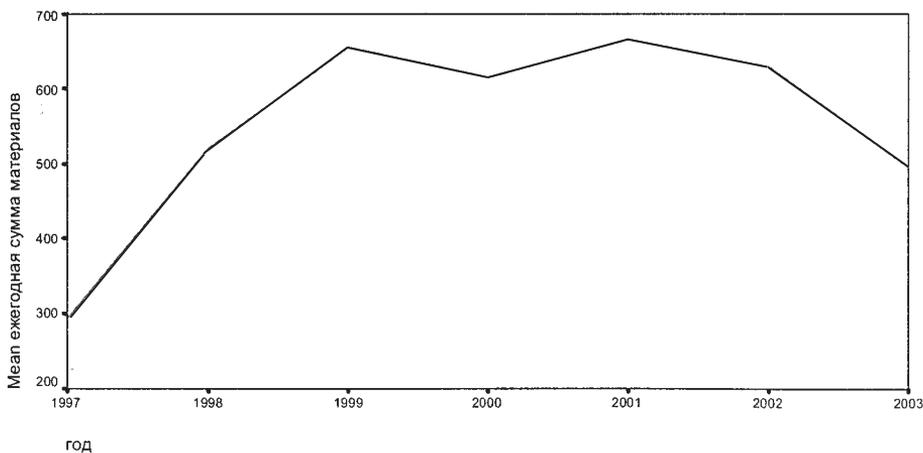
В рамках этой работы проводился анализ публикаций в петербургских газетах «Санкт-Петербургские ведомости», «Невское время», «Час пик» и «Вечерний Петербург», посвященных теме наркомании, за период с 1997 по 2003 год включительно. Анализировались публикации, где встречались слова «наркомания» или «наркотики» во всех их грамматических вариациях. Следует отметить, что далеко не все материалы, где встречались эти слова, были посвящены теме наркотизма. Часто слово «наркомания» лишь упоминалось в списке наиболее важных для России проблем. Однако уже этот факт может служить индикатором актуальности темы наркотизма для российских СМИ, так как даже упоминание наркомании не является случайным — число упоминаний коррелирует с количеством материалов, посвященных этой теме как таковой и является свидетельством интереса масс-медиа к проблеме наркотиков. Кроме того, для сравнения петербургской ситуации с общероссийской анализировались статьи, посвященные проблеме наркомании в центральных средствах массовой информации — «Российская газета», «Независимая газета», «Известия», «Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Коммерсантъ», «Советская Россия». Для поиска публикаций, удовлетворяющих условиям отбора, использовалась поисковая система «Integrum». Анализ включал в себя как количественную составляющую (подсчет числа публикаций по данной теме), так и качественную — критический дискурс-анализ рассматриваемых материалов.

Моральная паника в отношении наркотиков — и это согласуется с теоретическими моделями, которые предполагают ее неустойчивость (Goode, Ben-Yehuda 1994), — в общем-то позади. Это видно даже без качественного анализа публикаций, достаточно посмотреть на кривую их числа. Критерием числа публикаций послужило упоминание слова «наркомания» во всех его формах. Для оценки числа публикаций, посвященных теме наркомании в России, суммировалось количество материалов с упоминанием слова «наркомания», вышедших в центральных средствах массовой информации — газетах «Известия» «Российская газета», «Независимая газета», «Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Коммерсантъ», «Советская Россия». Кроме того, в это число были включены две Санкт-Петербургские газеты — «Невское время» и «Санкт-Петербургские ведомости». Во всех выбранных для анализа газетах кривые схожи — резкий рост количества публикаций в 1998, 1999 г. и постепенное падение, начавшееся в 2001 — 2002, которое продолжается во всех газетах до сих пор. Так, например, если в «Независимой газете» в 1997 году публикаций было 45, то в 1998 их было уже 93 (рост более чем в два раза), в 1999 г. — 113, в 2000 г. — 128, в 2001 г. — 130, а в 2002 г. — всего лишь 84, в 2003 (до 20 ноября) — 48. Общая сумма публикаций отражена на рис.1. Как видно из рис.1 и рис. 2, для реакции прессы в целом характерны резкий рост и падение интереса к проблеме наркомании. Это противоречит взглядам на прессу как на зеркало общественных проблем, реагирующую на степень их реальной опасности —

ситуация с наркотиками не менялась или менялась незначительно, в то же время падение интереса наблюдалось довольно резкое, причем каждая из газет проходила свой пик. Вместе с тем наблюдается определенный паттерн — пики в 1999 и 2001 гг. практически для всех изданий. Такой паттерн свидетельствует о том, что речь идет о тенденциях, характерных для СМИ в целом как специфического агента, действующего в социальном пространстве, а не о колебаниях, вызванных изменением политики отдельной газеты. Для «Российской газеты» (которая послужила для меня образцом некоего общероссийского «мэйнстрима», поскольку она является рупором исполнительной власти, и на ее страницах публиковались все российские законы о наркотиках и реакция на них агентов всех значимых институций, имеющих отношение к этой проблеме) пик пришелся на 1999 г., затем наблюдалось резкое падение интереса, до 2001 г. Так, 24.03.1999 на ее страницах пишется, что наркомания волнует россиян больше, чем все остальные проблемы, вместе взятые. В Петербурге наркомания объявляется самой большой проблемой несколько позже, в 2001 г. («Невское время», 04.26.2001).

Рис. 1

Ежегодная сумма публикаций с упоминанием слова «наркомания» в России за 1997–2003 гг.

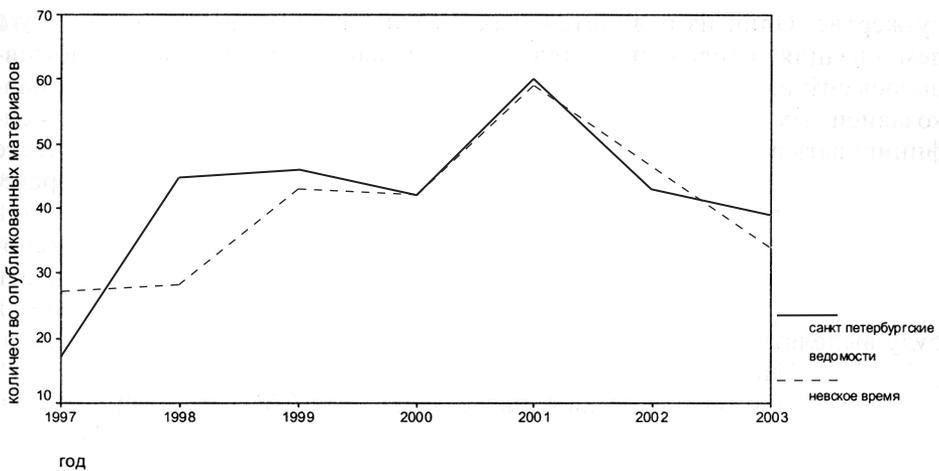

В целом на общероссийском уровне отражение темы наркотиков в прессе можно представить в виде трех глав. Глава 1. «Перед грозой». Заголовки полны апокалиптических прогнозов. Глава 2. «Девятый вал». Целый поток публикаций. Основная их тема: апокалипсис уже наступил. Появляются призывы увеличить ответственность за потребление и незаконный оборот наркотиков вплоть до смертной казни (с такими инициативами выступают даже некоторые губернаторы). Ужесточение законов последовательно происходит в 1997, 1998 годах. Глава 3. «После бури». Интерес к проблеме постепенно теряется. Репрессивная риторика, т. е. убеждение общества в том,

что необходимо укрепить силовые органы социального контроля, сменяется профилактической и реабилитационной (которая также предполагает усиление механизмов социального контроля, однако уже другой его части, той, что скрывается за дискурсом рациональности, который и делает ее невидимой — медицинской). На законодательном уровне осенью 2003 г. принимается поправка к УК РФ, отчасти либерализирующая существующие антинаркотические законы. Кроме того, коллективистская риторика, которая призывает оградить общество от преступных посягательств индивида, постепенно сменяется индивидуалистической (защита прав индивида от репрессивной политики коллектива).

Рис. 2

Количество публикаций с упоминанием слова «наркомания» в Санкт-Петербурге за 1997–2003 гг.

Однако, как показал качественный анализ публикаций о наркомании в нескольких петербургских газетах («Санкт Петербургские ведомости», «Невское время», «Час Пик», «Вечерний Петербург»), в Санкт-Петербурге моральной паники в прессе, по крайней мере в классическом понимании этого понятия, не наблюдалось, за исключением очень короткого периода в начале 2002 года. (В январе этого года после убийства академика Глебова появляются признаки того, что в принципе может квалифицироваться как моральная паника.) Так, 12.02.2002. в «Санкт Петербургских ведомостях» была опубликована статья, выдержку из которой я сейчас привожу:

Едва ли не половина преступлений сегодня так или иначе связана с наркотиками. Несчастных пенсионеров на улицах и в подъездах поджидают не крутые «качки» (у тех — «объекты» совершенно другие), а «безбашенные» Маши и Пети из соседнего парадного, которые уже вынесли из дома все, что только можно, и ради «косячка» в предчувствии близкой «ломки» готовы идти на любой «подвиг», вплоть до

убийства. Было время — и не такое уж давнее — когда мы все дружно этих Маи и Петь жалели. Больные де люди, не наказывать их надо, а лечить. На защиту несчастных наркоманов вставали многочисленные международные организации и партии, требования смягчить касающиеся их законы звучали с трибун форумов и съездов, скандировались на митингах и демонстрациях. Надо признать, наркомания современными средствами НЕИЗЛЕЧИМА. Все, что выдается за результат излечения, — это всего лишь так называемая ремиссия. Т. е. временное ослабление болезни. Единственный способ борьбы с наркоманией (а значит, и со всеми связанными с ней преступлениями) — это ПОЛНАЯ ИЗОЛЯЦИЯ наркоманов от общества. Пора, наконец, честно признать: наши «рулевые» заигрались в гуманизм.

Хочу подчеркнуть, что такая реакция, в общем, не была характерна для петербургских СМИ. Им была свойственна более сдержанная и амбивалентная позиция по отношению к наркозависимому как к преступнику-жертве. Один из отличительных моментов моральной паники — это демонизация определенных групп, персонально ответственных за сложившуюся ситуацию (об этом чуть ниже). Однако подобная демонизация наркозависимых не была типична для Петербурга, что не позволяет классифицировать реакцию петербургских СМИ как моральную панику. Вместе с тем, между дискурсивными стратегиями петербургских СМИ и стратегиями их общероссийских коллег существует много общего — попытка определения ситуации как «катастрофической» и угрожающей безопасности государства и др. Поэтому при анализе того, как конструировалась проблема наркотиков на петербургском и на общероссийском уровне, я буду выделять то общее, что было присуще обеим ситуациям, и акцентировать внимание на том, что их отличало.

Была ли оправданна столь паническая реакция СМИ, действительно ли ситуация вокруг наркотиков на исходе предыдущего тысячелетия в России и Петербурге представляла собой «национальную катастрофу» и угрозу национальной безопасности? Имеющиеся данные говорят об обратном. Так, по данным Европейского центра мониторинга за наркотиками за 2002 г. (EMCDDA, 2002) в Финляндии хотя бы раз в жизни пробовали наркотики 10 % взрослого населения, в Дании и Англии доля этих лиц достигает 25 % и 30 % соответственно. В целом в Европе эта цифра колеблется вокруг 20 % (Бельгия, Германия, Испания, Ирландия и Нидерланды). Кстати, в Америке, стране, проводящей одну из самых жестких в западных странах политику в отношении наркотиков, цифры более тревожные — в 2000 г. марихуану там пробовали около 34 % взрослых, а кокаин, гораздо более тяжелый наркотик — 11%. Для сравнения: в Санкт-Петербурге в 2000 г., по данным Л. Кесельмана и М. Мацкевич, степень приобщенности к наркотикам составляла примерно 18,5 %, при этом для 6,5 % это были разовые пробы, 6,5 % употребляли наркотики неоднократно, однако в дальнейшем прекратили употребление, оставшиеся 6 % употребляли наркотики на момент проведения исследования. Много это или мало?

Конечно, тем, кто исходит из предпосылки, что количество пробовавших

или употребляющих наркотики (часто люди не склонны видеть особой разницы между этими категориями) должно равняться нулю или колебаться около него, как было в бывшем СССР, эти цифры внушают ужас. Для тех же, например, кто осведомлен, что в развитых западных странах уровень наркотизации примерно тот же самый уже десятки лет, а в некоторых странах, например в США, бывал и побольше, (65,5 % попробовавших школьников в 1981 г.) и никакой «национальной катастрофы» или «разрушения генофонда» там не происходит, эти цифры не выглядят столь пугающими (Johnston et al. 1998).

Таким образом, социетальная реакция на употребление наркотиков во многом обусловлена не абсолютными цифрами, показывающими уровень наркотизации населения, а отношением или противоречием между *представлениями о существующем и должном*, между тем, какой представляется ситуация, и тем, какой она должна быть. Представления о «нормальном» уровне распространенности наркотиков зависят от картины мира, от того, что немцы называют *Weltanschauung*, мировоззрения.

Конструирование СМИ повышенной опасности наркомании

Итак, и для общероссийских и для петербургских СМИ характерны дискурсивные стратегии, направленные на создание чувства повышенной опасности наркомании. Мною были выделен ряд дискурсивных стратегий такого рода.

Дискурсивные стратегии, направленные на конструирование повышенной опасности наркомании:

1. *Стираль сигнификации* (Hall et al. 1978) — способ сигнификации общественных проблем, целью которого является увеличение воспринимаемой угрозы путем отождествления сигнификатора с более острой социальной проблемой (например, называть употребление наркотиков «чумой», «национальной катастрофой»).

2. *Конвергенция проблем* (Hall et al. 1978). Конвергенция проблем происходит, когда в процессе сигнификации два вида активности связываются между собой с целью увеличения эффекта и размера опасности. Например, наркотерроризм (проблема наркотиков путем сигнификации связывается с проблемой терроризма), наркоинтервенция — наркотики+интервенция.

3. *Автоматическая проблематизация* возникает тогда, когда с проблемой наркотиков связываются другие социальные проблемы, например, преступность и СПИД. Я называю такую проблематизацию автоматической, поскольку величина и опасность этих проблем-сателлитов автоматически (само собой разумеющимся образом) ставятся в прямую и основную зависимость от количества людей, употребляющих наркотики. Так, например, постулируется, что число ВИЧ-инфицированных растет только лишь из-за увеличения количества «наркоманов». *«Между борьбой со СПИДом и борьбой с наркоманией во всем мире поставлен знак равенства»* («Невское время»,

13.07.2001)*. То, что инфицирование происходит главным образом из-за того, что они пользуются одним шприцем, и что можно остановить распространение ВИЧ-инфекции путем организации программ по обмену шприцев, во времена моральной паники, как правило, даже не рассматривалось. То же и с преступностью. Вся так называемая наркопреступность автоматически ставится в зависимость лишь от количества лиц, употребляющих наркотики, несмотря на то, что огромная ее часть является следствием не употребления наркотиков, а законов, регулирующих их оборот. Для петербургской прессы более характерно подчеркивание связи между наркотиками и ВИЧ-инфекцией, общероссийская же пресса делает не меньший акцент на автоматической проблематизации преступности. Кроме того, во времена, непосредственно предшествующие моральной панике, петербургские СМИ были гораздо более лояльны к программам по обмену шприцев (вероятно, это связано с существованием городской программы «Автобус профилактической защиты», в рамках которой производился их обмен). Однако по мере развития событий, несмотря на растущую в городе распространенность ВИЧ-инфекции, такие материалы стали исчезать из печати. В 2002 г. (в тот краткий период, который можно именовать моральной паникой) в День памяти жертв СПИДа в «Санкт-Петербургских ведомостях» (16.05.2002) нет ни слова о подобных программах, хотя еще два года назад в этом же издании материалы о них появлялись регулярно. По всей видимости, газеты не хотели даже упоминать о таких «непопулярных» в тот период мерах. Правда, начиная со второй половины 2002 г., когда накал страстей стал спадать, такие материалы вновь стали появляться в печати.

4. *Социальная работа по категоризации.* Так, все люди, употребляющие любые наркотики с любой частотой, относятся к одной категории — «наркоманы». Эта ситуация аналогична той, что существует в медицинском и юридическом дискурсах. «Наркоман» и человек, попробовавший или эпизодически употребляющий какие-либо наркотики, и в юридическом и в медицинском дискурсе — фактически одно и то же. В юридическом потому, что он совершал или совершает преступления, такие, как приобретение и хранение наркотиков, а в медицинском из-за того, что он сделал практически необратимый шаг на пути к наркомании и все остальное — уже вопрос времени; сделав такой шаг, человек как бы лишается своеобразной (анти) наркотической девственности, после чего контроль переходит от него к таинственным условно-рефлекторным механизмам, толкающим его на все учащающиеся повторения наркотического опыта. Отказаться от пробы наркотика — это «единственный способ не стать наркоманом». Учитывая, что «наркоман» готов на все ради дозы («наркоманы, страдающие от ломки, ради дурмана с легкостью идут на убийство», «Невское время», 28.11.2003), что он «заражает» в год 7–10 человек («Час пик», 06.11.2002),

* Здесь «наркоман» — аналитическая категория, сконструированная для описания дискурсивной ситуации и призванная объединить все типификации первого рода (Шютц), такие, как «наркоман», «торчок», «наркоша» и т. д. Никакого отношения к наркозависимости или вообще какого-либо медицинского смысла она не имеет; в этом аспекте она аналогична категории О. Карпенко (2002) «гости с юга», введенной в ее работе об этническом дискурсе.

ситуация выглядит в самом деле катастрофической. Действительно, в 2003 году («Санкт-Петербургские ведомости», 10.09.2003) сообщается, что в России — 4 миллиона наркоманов (т. е. людей, готовых на все). Простая арифметика показывает, что в 2004 г. будет 40 миллионов людей, готовых на все ради дозы. В 2005 г., согласно той же логике, их уже будет 400 миллионов, т. е. их число более чем в два раза превысит население России.

5. *Селективная типизация.* Заключается в том, что, например, при презентации в СМИ преступлений, связанных с употреблением наркотиков, случаи тяжких преступлений (убийство) подаются как типичные, о них пишется больше всего, в то время как доля наркозависимых, совершивших такого рода преступления, крайне мала (Русакова 2000).

Мобилизационные стратегии СМИ

Социальные агенты, занимающиеся конструированием моральной паники, должны не только показать опасность наркотиков, но и постараться мобилизовать общество для борьбы со злом. Отсюда важность мобилизационных стратегий.

1. Полезным мне представляется использовать здесь некоторые методологические инструменты американских социологов Ибарры и Китсузе. Они называют риторическими идиомами комплексы определений, которые помещают проблематизируемое условие-категорию в моральные универсумы. Так, риторика катастрофы состоит из метафор и мыслительных практик, которые должны вызвать у убеждаемого чувство неминуемой катастрофы. Она также призвана объединить всех агентов, конкурирующих на рынке социальных проблем, под один символический зонтик, поскольку все остальные проблемы оказываются логически подчинены главной (Ibarra, Kitsuse 1993: 40).

Применяющие такую риторику ставят целью мобилизовать и сплотить для борьбы с наркоманией как «широкую общественность», так и агентов из конкурирующих институций, занимающихся эксплуатацией девиантности (Lemert 1951). *«Стоит ли сейчас столько заниматься экономикой, если через двадцать лет Россия превратится в поселения больных наркоманией»* («Российская газета», 19.3.1999). *«Не понимаю, о чем думают руководители страны, города, в конце концов. Строят Ледовый дворец, дороги, памятники... А ведь совсем немного времени остается до того момента, когда понадобятся строительные объекты только одного вида — кладбища, если не позаботиться о молодежи сейчас»* («Невское время», 30.05.2001).

2. Прямая мобилизация — призывы создавать комитеты сознательных граждан, звонить на различные «телефоны доверия» и пейджеры МВД, доносить на тех, кто подозревается не только в торговле, но и в злоупотреблении психоактивными веществами. (*«Сообща куда следует ради ближнего»*, «Российская газета» 26.2.1999). То, что такие телефоны могут стать орудиями для сведения личных счетов, в пылу борьбы забывается. В Петербурге по сравнению с общероссийской ситуацией такого рода прямая мобилизация использовалась менее часто.

Персонификация зла

Для мобилизации общества на борьбу со злом необходимо это зло персонифицировать. Любая моральная паника сопровождается конструированием «народных дьяволов» (Козн), т. е. тех, кто персонально ответственен за сложившуюся ситуацию. Наркомания — это сложное явление, обусловленное рядом социальных, культурных и политических факторов. Путем персонификации зла легче как драматизировать обстановку, так и конкретизировать ее (сделать зло простым и наглядным). Отсюда социальная работа по конструированию образа «наркомана» — воплощения зла. Это помогает отвлечь внимание от сложных структурных и институциональных аспектов социальной реальности и свести проблему к простому уничтожению, изоляции или переделке личности. Так, Джозеф Гасфилд в своей книге по социальному конструированию проблемы «пьяного вождения» пишет, что «создавать общественное волнение и строить нарратив вокруг таких объектов, как пояса безопасности, дизайн автомобиля, качество дорог, доступность алкоголя, в принципе возможно, но в таких нарративах будет отсутствовать элемент злодейства, необходимый для драматизации, тот элемент, который присутствует в ситуации с пьяным водителем» (Gusfield 1989: 434). Кроме того, на такого «народного дьявола» можно свалить немалую часть существующих в обществе проблем (например, недобор призыва в армию). Конструирование образа «другого» в случае проблемы наркотиков имеет характерные особенности, отличные от тех, которые встречаются, например, в этническом дискурсе. Если в последнем «они» — пришлые, «гости», в антинаркотическом дискурсе СМИ «они» — это превращенные или соvrащенные «мы». Происходит трансформация наподобие той, что была описана в рассказе «Превращение» Кафки, когда милый и любимый в семье юноша неожиданно превращается в отвратительное насекомое. Такое превращение, как правило, происходит через соvrащение другими «насекомыми». И очень быстро — достаточно один раз попробовать. (*«Факт: всерьез можно отказаться только один раз, первый»*, «Санкт-Петербургские ведомости», 21.03.2000). В любую минуту каждый из «нас» может стать «им» (*«Фактически в опасности каждая семья»*, «Невское время», 08.04.2000). Правда, иногда, как утверждается, это происходит против воли несчастного — мутагенное вещество (наркотик) вводится ему против воли. В этом случае происходит насильственное обращение в «насекомые». От этого не спасут ни деньги, ни «хорошая семья». (*«Впрочем (не мы сделали вывод, а американцы), вероятность того, что ребенок станет наркоманом, одинакова — что в семье президента, что в семье алкоголика»*, «Час пик», 29.08.2001). Но шанс, что «он» может вновь стать одним из «нас», минимален, либо нулевой. (*«Из сотни больных излечивается, согласно статистике, один. И тот в любой момент может вернуться к прежнему времяпрепровождению»*, «Санкт-Петербургские ведомости», 21.04.2000). Одна из «их» главных отличительных особенностей — то, почему они представляют наибольшую опасность — это готовность на все ради единственной дозы наркотика и «заражение» других. В этом аспекте проявляется одно из наибольших раз-

личий между петербургской и общероссийской ситуациями; именно оно, на мой взгляд, не позволяет говорить о моральной панике в петербургских СМИ. Несмотря на то, что ситуация в них часто описывалась как катастрофическая (и в этом она соответствует критериям моральной паники), демонизации наркозависимых как таковой, за исключением короткого периода в первой половине 2002 года, мне выявить не удалось. А без этого, то есть без повышенной враждебности к определенной группе населения, признанной персонально ответственной за существующее положение вещей, характеризовать ситуацию как моральную панику нельзя.

Легитимация определения ситуации

В довершение ко всему полученная картина мира, или определение ситуации (Томас и Знанецкий), должна быть легитимирована. Это происходит двумя путями.

1. Через апелляцию к мнениям экспертов. При этом эксперты и СМИ находятся на взаимной службе друг у друга: а) СМИ объективируют мнение эксперта и придают ему валидный статус общественной озабоченности. Так, частная профессиональная позиция эксперта после публикации становится общественно важной; б) обратный процесс наблюдается, когда масс-медиа становятся *vox populi* и говорят от имени публики. Этот процесс придает легитимацию мнениям, высказанным самой газетой. После этого уже официальные источники могут ссылаться на точку зрения газеты как на объективное и «истинное» мнение общества (Hall et al. 1978: 62). Таким образом, СМИ воспроизводят позиции экспертов, а эксперты воспроизводят позиции СМИ. В случае ситуации с наркотиками такими экспертами становятся по большей части представители МВД и Минздрава, которые и свидетельствуют о катастрофичности ситуации и необходимости принятия, как правило, жестких мер. Одно из наибольших различий между позициями этих двух профессиональных групп проявляется в вопросе о (не) излечимости наркомании. Удивительного тут ничего нет. Владеть проблемой — значит обладать правом называть эту проблему и быть в состоянии предложить что-то, что может быть сделано по поводу нее (Gusfield 1989: 433). Знание этого что-то и есть мандат профессии на владение проблемой. Поэтому даже в разгар моральной паники врачи все время повторяют, что наркомания — дело не безнадежное (несмотря на очень скромные по их же словам успехи). Однако им постоянно приходится оговариваться, что дело это очень трудное, чтобы как-то объяснить невысокий процент удач: тогда и более чем скромные результаты что-то будут значить. Сказать, что наркомания неизлечима, значит сдать мандат на владение этой проблемой. Правда, потом медики обрели лучший (менее проверяемый) мандат — профилактику. Если лечение наркомании дело почти безнадежное, то единственное, что можно сделать — не допустить ее развития. Мандат в таком случае опять попадает к медикам. Это, на мой взгляд, многое объясняет в «профилактическом повороте», произошедшем в 2000–2001 гг. Вместе с тем, за право легитимной экспертизы здесь им предстоит побороться с другими агентами — педагогами. Агентам же силовых ведомств

более целесообразно утверждать, что наркомания практически неизлечима. Их мандат в другом — в изоляции «наркоманов». *«Лучшая профилактика — задерживать и привлекать к уголовной ответственности наркоманов и сбытчиков наркотиков, ведь чуть ли не сто процентов тех, кто нападает на пенсионеров, добывают так деньги на очередную дозу, — говорит заместитель начальника Управления уголовного розыска ГУВД Андрей КЕМЕНЕВ»*, («Невское время», 21.02.2002). Кроме того, экспертом часто выступает сам наркозависимый. При этом он выступает в роли частичного эксперта — когда то, что он говорит, согласуется с тем, что утверждается в рамках доминирующих дискурсов, он подтверждает и легитимирует их как «человек, не понаслышке знакомый с реалиями наркоманского быта». Если же наркозависимый заявляет что-нибудь, что противоречит предположениям, принятым в этих дискурсах, то его высказывания объявляются наркоманскими мифами или сознательным распространителем выгодных наркомафии вымыслов.

2. Вторая стратегия по легитимации — это устранение конкурентных определений ситуации, которые ставят под сомнение навязываемую картину мира.

Как правило, клэймсмейкеры, т. е. те, кто выдвигает требования (claims) в отношении какого-либо условия (Spector, Kitsuse 1977), в данном случае СМИ, оперируют оборотами «всемирно известно», «во всех странах» и т. д., т. е. пытаются нейтрализовать дискуссию, показать ясность, непротиворечивость, единственность их решения, монополизировать дискурс, сделать свою точку зрения единственно возможной. Все остальное объявляется мифами и отбрасывается без рассмотрения. Часто приводятся заявления о том, что есть некоторые таинственные силы, пытающиеся проводить либеральные законы. При этом сами эти силы в дискурсе СМИ времен моральной паники практически не были представлены. Более того, сторонники противоположной точки зрения объявлялись преступниками и обвинялись в пропаганде наркотиков — уголовном преступлении, или в сговоре с наркомафией. Таким образом, происходит не только монополизация дискурса, но и попытки криминализации контрдискурса. Контрдискурсом я называю дискурс, в рамках которого признается возможность решения и смягчения наркотических проблем не только с помощью снижения числа потребителей наркотиков, но и с помощью других мер (снижение вреда от них), а также в котором призывается сосредоточить внимание на законах, регулирующих наркотизм, на их вреде, и отказаться от «войны с наркотиками». Как мне видится, одна из причин этого заключается в том, что меры, предлагаемые в рамках этого дискурса, направлены на снижение отрицательных последствий наркотизации, таких, как смерть от передозировок, сопутствующие заболевания, преступность вокруг наркотиков, но не предлагают главного для тех, кто принимает участие в конструировании моральной паники вокруг наркотиков, — защитить мораль, которая и является главным ее объектом. Как раз традиционная мораль в рамках контрдискурса терпит поражение. Вот почему, например, в обращении Государственной Думы к ООН 10.30.1999 проблема легализации или декриминализации наркотиков приравнивается к проблеме наркомании. *«Проблема наркомании, легализации наркотиков — это ми-*

ровая проблема в ряду тех, что угрожают гибелью человеческой цивилизации» («Российская газета», 10.30.1999). В этом отношении ситуация в петербургских СМИ также отличалась от общероссийской. Несмотря на все флуктуации, которые происходили в петербургских газетах в отношении контрдискурса, попытки представить его как дело рук наркобаронов и тем самым криминализировать его не были характерными.

Заключение

Итак, можно констатировать, что как в целом по России, так и в Санкт-Петербурге интерес прессы к проблеме наркотиков начиная с 2001 года продолжает падать. Сейчас он находится примерно на уровне 1998 года. При этом, несмотря на то, что в Санкт-Петербурге наблюдалось стремление СМИ представить положение как катастрофическое, квалифицировать ситуацию в качестве моральной паники не представляется возможным, так как отсутствовал один из важнейших ее компонентов — конструирование образа «народного дьявола», или демонизация наркозависимых. Тем не менее, в начале 2002 года такая демонизация отмечалась, что позволяет говорить о моральной панике в тот промежуток времени.

В работе был выявлен ряд дискурсивных стратегий СМИ, направленных на формирование чувства повышенной опасности наркомании. К ним относятся спираль сигнификации, конвергенция проблем, автоматическая проблематизация, социальная работа по конструированию категорий и селективная типизация. Также были определены мобилизационные стратегии СМИ, такие, как риторика катастрофы, призванная объединить всех участников рынка социальных проблем под один символический зонтик, и стратегия прямой мобилизации — публикация различных «телефонов доверия» силовых структур. Как уже было сказано, одно из наиболее важных отличий петербургской ситуации от общероссийской проявляется в конструировании образа наркозависимого. В то время как для общероссийской прессы конца 1990-х характерна та или иная степень демонизации наркозависимых, петербургским печатным СМИ была присуща более амбивалентная позиция по отношению к наркозависимому как к преступнику-жертве.

Легитимация определения ситуации, презентуемой СМИ, осуществлялась с помощью апелляции к мнениям экспертов, которыми выступали представители правоохранительных органов, медицинских структур и сами наркозависимые. Здесь также ситуация в петербургских СМИ отличается от общероссийской, для местной прессы не было характерно стремление криминализировать контрдискурс, в рамках которого признается возможность решения и смягчения наркотических проблем не только с помощью снижения числа потребителей наркотиков, но и с помощью других мер (снижение вреда от них), а также в котором призывается сосредоточить внимание на законах, регулирующих наркотизм, на их вреде, и отказаться от «войны с наркотиками». Отношение петербургской прессы к таким мерам было значительно более толерантное, хотя в последнее время ситуация несколько выровнялась.

Безусловно, одного лишь выявления и описания дискурсивных стратегий СМИ недостаточно для описания ситуации моральной паники вокруг наркотиков. Необходимо поместить эту ситуацию в общий социальный контекст с тем, чтобы выявить факторы, способствующие возникновению моральной паники, и факторы, которые содействовали ее окончанию. Однако это уже задача будущего исследования.

Литература

Блюдина У. Молодежные культуры, масс медиа и феномен «моральных паник» // Другое поле / Под ред. Е. Омельченко. Ульяновск: Средневолжский научный центр, 2000.

Карпенко О. Языковые игры с «гостями с юга»: «кавказцы» в российской демократической прессе 1997 – 1999 гг. // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В. Малахова, В. Тишкова. Москва, 2002.

Кесельман Л., Мацкевич М. Социальное пространство наркотизма. СПб.: Медицинская пресса, 2001.

Костерина И. Криминал, скандалы, реклама и проповеди: наркомания и наркотики в презентациях СМИ // Тринадцатый шаг: социология наркотизации / Под ред. Е. Омельченко. Ульяновск: Изд-во УлГУ, 2002.

Ленуар Р. Предмет социологии и социальная проблема // Начала практической социологии. М.: Алетейя, 2001.

Русакова М. Наркотики в России // Девиантность и социальный контроль в России / Под ред. Я. Гилинского. СПб.: Алетейя, 2000.

Смирнова Н. Паника или Знание? Конструирование проблемы роста потребления наркотиков среди молодежи в местной прессе // Герои нашего времени. Социологические очерки / Под ред. Е. Омельченко. Ульяновск: Средневолжский научный центр, 2000.

Ben-Yehuda N. Deviance and Moral Boundaries: Witchcraft and the Moral Boundaries: Occult, Science Fiction, Deviance Sciences, and Scientists. Chicago: University of Chicago Press, 1985.

Best J. But Seriously Folks: Limitations of the Strict Constructionist Interpretation of Social Problems / Reconsidering Social Constructionism // Ed. by J. Holstein, G. Miller. NY: Aldine de Gruyter, 1993.

Best J. Constructionism in Context // Images of Issues. Typifying Contemporary Social Problems // Ed. by J. Best. NY: Aldine de Gruyter, 1995.

Cohen S. Folk Devils and Moral Panics: The Creation of the Mods and Rockers. London: MacGibbon & Kee, 1972.

EMCDDA. Annual report on the state of the drugs problem in the European Union and Norway, European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction (EMCDDA), 2002.

Goode E., Ben-Yehuda N. The Social Construction of Deviance. Oxford: Blackwell, 1994.

Gusfield J. Constructing the Ownership of Social Problems: Fun and Profit in the Welfare State // Social Problems. 1989. Vol. 36. № 5.

Hall S., Critcher C., Jefferson T., Clarke J., Roberts B. Policing the Crisis: Mugging, The State and Law and Order. London: Macmillan, 1978.

Hawdon J. The Role of Presidential Rhetoric in the Creation of a Moral Panic: Reagan, Bush, and The War on Drugs // Deviant Behavior. 2001. Vol. 22.

Ibarra P., Kitsuse J. Vernacular Constituents of Moral Discourse: An Interactionist Proposal for the Study of Social Problems // Reconsidering Social Constructionism / Ed. by J. Holstein and G. Miller. NY: Aldine de Gruyter, 1993.

Jenkins P. *Intimate Enemies: Moral Panics in Contemporary Britain*. New York: Aldine, 1992.

Jenkins P. *Clergy Sexual Abuse: The Symbolic Politics of a Social Problem // Images of Issues. Typifying Contemporary Social Problems / Ed. by J. Best*. NY: Aldine de Gruyter, 1995.

Jenkins P., Meier-Katkin D. *Satanism: Myth and Reality in a Contemporary Moral Panic // Crime, Law & Social Change*. 1992. Vol. 17.

Johnston L., O'Malley P., Bachman J. *National Survey Results on Drug Use from the Monitoring the Future Study, 1975 – 1997*. Ann Arbor, MI: Institute for Social Research, 1998.

Lemert E. *Social Pathology*. New York: McGraw-Hill, 1951.

McRobbie A. *Folk Devils Fight Back // New Left Review*. 1994. Vol. 203.

McRobbie A., Thornton S. *Rethinking «Moral Panic» for Multi-mediated Social Worlds // British Journal of Sociology*. 1995. Vol. 46.

Miller G., Holstein J. *Reconsidering Social Constructionism // Reconsidering Social Constructionism / Ed. by J. Holstein, G. Miller*. NY: Aldine de Gruyter, 1993.

Orcutt J.D., Turner J.B. *Shocking Numbers and Graphic Accounts: Quantified Images of Drug Problems in the Print Media // Social Problems*. 1993. Vol. 40. № 2.

Reinarman C., Levine H. *The Crack Attack: America's Latest Drug Scare, 1986–1992 // Images of Issues. Typifying Contemporary Social Problems / Ed. by J. Best*. NY: Aldine de Gruyter, 1995.

Reinarman C., Levine H. *The Social Construction of Drug Scares // Deviance: The Interactionist Perspective / Ed. by E. Rubington, M. Weinberg*. Needham Heights, 1996.

Rowe J. *Dealing with Dope // Meanjin*. 2002. Vol. 61. № 2.

Schneider J. *Introduction // Studies in the Sociology of Social Problems / Ed. by J. Schneider, J. Kitsuse*. New Jersey: Norwood, 1984.

Schneider J. *«Members Only»: Reading the Constructionist Text // Reconsidering Social Constructionism / Ed. by J. Holstein, G. Miller*. NY: Aldine de Gruyter, 1993.

Spector M., Kitsuse J. *Constructing Social Problems*. Menlo Park, Calif.: Cummings, 1977.

Thompson K. *Moral Panics*. London and New York: Routledge, 1998.

Victor J.S. *Satanic Panic: The Creation of a Contemporary Legend*. Chicago: Open Court, 1993.

Victor J.S. *Moral Panics and the Social Construction of Deviant Behavior: A Theory and Application to the Case of Ritual Abuse // Sociological Perspectives*. 1998. Fall.

Zatz M.S. *Chicano Youth Gangs and Crime: The Creation of Moral Panic // Contemporary Crises*. 1987. Vol. 11.